

Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2026. № 2 (34).
Dostoevsky and World Culture. Philological journal, no. 2 (34), 2026.

This is an open access article
distributed under the Creative
Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

Рецензия / Review

УДК 821.161.1.0+821.133.1.0+82.0

ББК 83.3(2Рос=Рус)+83.3(4Фра)+83

<https://doi.org/10.22455/2619-0311-2026-2-379-390>

<https://elibrary.ru/SHMDDR>

© 2026. Николай Подосокорский

*Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук,
Москва, Россия*

Поль Моран о Достоевском-пророке

© 2026. Nikolay N. Podosokorsky

*A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia*

Paul Morand on Dostoevsky as Prophet

Информация об авторе: Николай Николаевич Подосокорский, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник научно-исследовательского центра «Ф.М. Достоевский и мировая культура», Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25А, стр. 1, 121069 г. Москва, Россия.

<https://orcid.org/0000-0001-6310-1579>

E-mail: n.podosokorskiy@gmail.com

Аннотация: В рецензии анализируется русское издание сборника сочинений французского писателя, члена Французской академии Поля Морана (1888–1976) «Русская Европа Достоевского» (Ruinaissance, 2026), посвященных главным образом его восприятию Ф.М. Достоевского и русской литературы XIX века. Особое внимание уделено оценке Мораном «Дневника писателя» и содержащихся в нем пророчеств русского писателя о судьбах России и Европы.

Ключевые слова: Ф.М. Достоевский, Поль Моран, «Дневник писателя», эзотерическая традиция, судьба Европы, Леон Блуа, Люсьен Рёбате, П.-А. Кусто

Для цитирования: Подосокорский Н.Н. Поль Моран о Достоевском-пророке // Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2026. № 2 (34). С. 379–390. <https://doi.org/10.22455/2619-0311-2026-2-379-390>

Information about the author: Nikolay N. Podosokorsky, PhD in Philology, Senior Researcher, Research Centre “Dostoevsky and World Culture,” A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya St., 25A, bld. 1, 121069 Moscow, Russia.

<https://orcid.org/0000-0001-6310-1579>

E-mail: n.podosokorskiy@gmail.com

Abstract: The review analyzes the Russian edition of the collected works of Paul Morand (1888–1976), French writer and member of the Académie française, *Dostoevsky's Russian Europe* (Ruinaissance, 2026), devoted primarily to Morand's perception of Fyodor Dostoevsky and Russian literature of the nineteenth century. Particular attention is paid to Moran's assessment of *A Writer's Diary* and the prophecies it contains regarding the fate of Russia and Europe.

Keywords: Fyodor Dostoevsky, Paul Morand, *A Writer's Diary*, esoteric tradition, fate of Europe, Léon Bloy, Lucien Rebatet, Pierre-Antoine Cousteau

For citation: Podosokorsky, N.N. “Paul Morand on Dostoevsky as Prophet.” *Dostoevsky and World Culture. Philological journal*, no. 2 (34), 2026, pp. 379–390. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2619-0311-2026-2-379-390>

Выпущенный издательством «Ruinaissance» сборник разножанровых сочинений французского писателя и дипломата Поля Морана (1888–1976) впервые открывает для русскоязычного читателя ряд ярких публицистических текстов этого плодовитого автора, посвященных Достоевскому и русской литературе XIX века. Поль Моран — сын уроженца Санкт-Петербурга, драматурга Эжена Морана. В 1920-е – 1930-е годы П. Моран считался одним из самых модных французских писателей: его произведения активно издавали, переводили на другие языки, экранизировали (особо можно выделить снятый по его сценарию фильм Георга Вильгельма Пабста «Дон Кихот» 1933 года с знаменитым оперным певцом Федором Шаляпиным в главной роли).

В молодой советской России были изданы многие книги Морана: «Хищники» (1924), «Левис и Ирэн» (1924), «Открыто ночью» (1926), «Рейнские развлечения» (1927), «Шестидневная ночь» (1927), «Ночи» (1927), «Живой Будда» (1927), «Черная магия» (1929) и проч. В 1925 году Моран посетил столицу СССР, после чего выпустил рассказ «Я жгу Москву», в котором описал Владимира Маяковского и Лилию Брик (подробнее см.: [Золотоносов, 1996]). Рассказ этот был признан антисоветским памфлетом, и с 1930-х до начала 1990-х годов Морана больше в России не печатали. В пользу его забвения в Советском Союзе сыграло и то, что в 1942–1944 годах он занимал пост посла вишистской Франции в Румынии.

После освобождения Франции Моран провел более десяти лет в эмиграции, но в 1968 году его все же удостоили за литературные заслуги кресла № 11 во Французской академии. Взгляды Морана обычно описывают как правые и русофильские. В.В. Лорченков вообще называет его «самым “русским” писателем из французов своего поколения» [Лорченков, 2026, с. 5]. Тем более интересно восприятие Мораном Достоевского в период, когда великого русского писателя не жаловали на его родине (об антидостоевской кампании в СССР при Сталине см.: [Подосокорский, 2024, с. 162–166], [Дружинин, 2025, с. 82–94])¹.

В рецензируемый нами сборник входят (в порядке их размещения в книге): эссе Морана «Русская Европа, предвещенная Достоевским» (1948), избранные записи из «Дневника войны» (1943–1945) Морана, ряд его рассказов из сборника «Галантная Европа» (1925), а также несколько высказываний о Достоевском морановских современников — писателей Пьера-Антуана Кусто и Люсьена Рёбате. Нас в данном случае интересуют исключительно суждения о русском классике в их публицистических текстах, впервые переведенных на русский язык.

Как отмечает их переводчик и автор предисловия к сборнику В.В. Лорченков, в эссе «Русская Европа, предвещенная Достоевским» Моран, «знаток русской культуры, но по-русски не говоривший», обильно цитирует два французских перевода «Дневника писателя»: Ж.-В. Бенстона и Ж.А. Нана (1904) и Ж. Шюзвиля (1927 и 1938) [Лорченков, 2026, с. 13], которые неизбежно имеют ряд расхождений с русским оригиналом. В самом начале эссе автор связывает гений Достоевского с его эпилепсией, ставя русского писателя в один ряд с Цезарем, Магометом, Петром Великим, Ньютоном и Наполеоном².

¹ Достоевский к тому времени, как о нем стал писать Моран, был уже хорошо известен во Франции. О рецепции его жизни и творчества французскими литераторами конца XIX – первой четверти XX века см.: [Волчек, 2022].

² Тезис о том, что Ньютон и Наполеон страдали от эпилепсии, не разделяется большинством исследователей. Любопытно, что далее в эссе Моран приписывает высказывание Наполеона о римском папе («старый глупец») Достоевскому [Моран, 2026, с. 37], выносит в эпитафию к одной из глав слова Наполеона о России («Россия должна либо рухнуть, либо расшириться, и я предполагаю верной последнюю гипотезу») [Моран, 2026, с. 56] и цитирует наполеоновскую фразу о русских казаках. О значении фигуры Наполеона и наполеоновского мифа для Достоевского см.: [Подосокорский, 2025], [Подосокорский, 2026].

По словам Морана, именно благодаря эпилепсии Достоевский обнаружил

те страшные прозрения, что сделали его, за три четверти века до срока, провозвестником отчаявшихся душ нашего времени. Эпилептик — существо, которое внезапно вскрикивает, бледнеет, падает на улице или в огонь, со стиснутыми челюстями, прикушенным языком, одеревеневшим телом, закатившимися глазами, посиневшим лицом и пеной у рта — всегда ускользал и от экзорцистов, и от врачей, которые со времён греков и до Шарко тщетно пытались его понять; он продолжает свой путь в дальние страны, куда никто не может за ним последовать. Этот пораженный молнией спящий, кажется, видит разгадку всех тайн, а вместе с ними — и секреты добра и зла; он проникает в мир, находящийся в ином измерении. Он входит в «тот гармоничный мир», о котором говорит Достоевский, описывая припадок князя Мышкина; его глаза закрываются для внешнего мира, но он видит и наконец может изречь ту же пророческую весть, что и библейский пророк: «Времени больше не будет» [Моран, 2026, с. 23–24].

Моран настаивает на пророческом характере публицистики Достоевского, утверждая, что предвидение русским писателем революционных потрясений 1917 года настолько поразительно, что европейцам середины XX века не следует пренебрегать ни одним из его прозрений. «Дневник писателя» «требуется от нас не забывать ни одного из утверждений, которые послужат основанием его мессианизма, и вынуждает с почтительным интересом вникнуть в мистический аппарат его будущей Европы» [Моран, 2026, с. 26]. При этом автор эссе не противопоставляет Достоевского-художника и Достоевского-публициста, поясняя, что «идеи, проступающие в “Дневнике писателя”, мы встретим на вершине романного творчества Достоевского» [Моран, 2026, с. 27]. Моран отвечает на критику А. Жида и Н. Бердяева, преждевременно посчитавших, что многие предсказания русского классика относительно России и Европы все же не оправдались, тем, что призывает не торопиться с окончательным выводом: «Ближайшее будущее покажет, не оказался ли Достоевский пророком — как в политике внешней, так и во внутренней» [Моран, 2026, с. 27].

Вслед за Достоевским Моран с горечью пишет о дехристианизации Европы и погружении ее в материализм как главном признаке ее заката, предвещающем поистине апокалиптические времена:

С невозмутимой уверенностью Достоевский заявляет в «Дневнике», как и в «Карамазовых»: «Европа приговорена к смерти»; «Европа — это прошлое»; «Европа сумела создать благородные типы француза, англичанина, немца — но она ещё ничего не знает о своём будущем человеке и, кажется, не желает ничего знать». И когда же исчезнет Европа? Угроза обретает ясность. Завтра. Скоро. Уже к вечеру этого дня. «Кажется, конец века ознаменуется для старой Европы чем-то колоссальным, если не равным 1789 году, то чем-то неудержимым и ужасающим, что изменит лик мира и, во всяком случае, лик Европы», «Это будет хаос, потрясение, какого ещё не бывало, — поясняет Пётр Верховенский в «Бесах». — Европа подорвана и, быть может, завтра рухнет, не оставив следа в веках».

Достоевский кое-где вставляет «быть может» для чистой проформы, ибо он *знает*³. Он говорит об этой дряхлеющей Европе как о предмете безразличном, но чужом по отношению к нему самому и к России; он подобен князю из «Идиота» и чувствует себя, как тот, «вне события, словно незримый сказочный персонаж, наблюдающий в комнате, куда он проник, чужих, но интересных ему людей». Он похож на лётчика, который с высоты своего полёта созерцает гибель планеты и видит, как у него под ногами поднимается гигантское грибообразное облако последней атомной бомбы [Моран, 2026, с. 29–30].

Взгляды Достоевского французский писатель характеризует не как сугубо славянофильские (славянофилы, по его словам, смотрят на предназначение России в гораздо более мелком масштабе), но как типично *русские*, то есть открытые всему миру, в том числе и западному:

Достоевский — ни славянофил, ни западник; он отстраняется от этой великой замятни, что длилась весь XIX век. Кому-то необходима полемика: *он же знает*, повторюсь. Западник — он был им,

³ В приводимых цитатах выделение обычным курсивом принадлежит автору цитаты, выделение полужирным — автору настоящей статьи.

возможно, в первую пору своей жизни, но с тех пор, как в Сибири благотворительная рука протянула ему Евангелие по дороге на каторгу, **он стал просто дитя России**; славянофил — он особенно кажется им в «Дневнике»; но этот взрыв национализма 1876–1877 годов — лишь от проявления чувств; едва его записывают во враги Запада, как он протестует: «Славянофилы воображают, что презируют Европу, а на деле любят её больше, чем она сама себя» [Моран, 2026, с. 54].

Моран пишет, что Достоевский настолько осознает себя как «дитя России», что «предлагает своей родине весь мир» [Моран, 2026, с. 58], и «порой кажется», что он «верит в Россию больше, чем в Бога» [Моран, 2026, с. 62]. Россия для Достоевского, по убеждению автора эссе, «это рок, это надежда мира, это сила вещей» [Моран, 2026, с. 68]. Особенно французскому автору, который очень любил кошек, нравится сравнение Достоевским стойкости России с «живучестью кошки»⁴ [Моран, 2026, с. 63]. Нам такого высказывания Достоевского о России обнаружить не удалось. Вероятно, здесь автор эссе экстраполирует на Россию суждение русского писателя о себе самом, содержащееся в его письме к А.Е. Врангелю от 31 марта — 14 апреля 1865 года: «Тревога, горечь, самая холодная суетня, самое ненормальное для меня состояние и, вдобавок, один, — прежних и прежнего, сорокалетнего, нет уже при мне. А между тем всё мне кажется, что я только что собираюсь жить. Смешно, не правда ли? **Кошечья живучесть**» [Достоевский, 1972–1990, т. 282, с. 120]. Эти слова Достоевского в своем очерке о нем упомянул и Э.М. де Вогиюз: «<...> от него веяло “живучестью кошки”, как выразился он однажды» [Вогиюз, 1887, 3 паг., с. 66]. Моран мог их искаженно запомнить из труда последнего.

«Человеком, лучше всех способным понять Достоевского» [Моран, 2026, с. 69] Поль Моран называет французского писателя-мистика Леона Блуа (1846–1917). По убеждению автора эссе, Достоевский «сказал бы о Леоне Блуа, что тот достоин быть православным» [Моран, 2026, с. 70]. Определяя русского писателя как «политического мистика» [Моран, 2026, с. 65], Моран видит среди его предшественников Бёме, Сведенборга, Сен-Мартена, Фабра д'Оливе, Сент-Ив д'Альвейдра и Жозефа де Местра, которые были

⁴ О кошках в творчестве Достоевского также см.: [Сараскина, 2012].

способны разглядеть признаки метафизической революции и возрождения религии «не в равновесии буржуазного мира, а в громах апокалипсиса» [Моран, 2026, с. 75–76]. Моран особенно сближает взгляды на роль Провидения в истории у Достоевского и де Местра, писавшего в «Размышлениях о Франции» следующее: «Откройте историю, и вы не найдете ни одного сколько-нибудь долговечного политического творения, которое не покоилось бы на божественной идее. Этот религиозный принцип управляет всеми политическими творениями; все исчезает, как только он отступает» [Моран, 2026, с. 76].

Свое эссе о Достоевском Моран завершает словами о величии «Дневника писателя», который для него по философской значимости стоит ничуть не ниже великих романов русского писателя:

Со времён «возвышенного совершенства» мадам де Сталь человечество продвинулось вперёд: мы открыли, что «общая воля — нечто совершенно иное, нежели сумма частных волей, что рядом с массами существует народ метафизический, *metaphysische Volk* Томаса Манна, где пребывает высшая жизнь, высшая воля нации». Всё это было предсказано в «Дневнике писателя». Этот сборник периодических статей по философской значимости не уступает глубочайшим романам Достоевского. Достоевский-публицист оправдал Достоевского-романиста от обвинений в нигилизме, которые бросали ему многие поверхностные критики. **Этот высший посвящённый принадлежит к великой традиции; сквозь его комментарии к текущим событиям, как и сквозь реализм его художественных произведений, просвечивает высокая эзотерическая традиция.** Просто радиус его зрения оказался слишком велик для его современников [Моран, 2026, с. 76]⁵.

⁵ Подобное восприятие публицистики Достоевского характерно и для ряда русских философов и исследователей «Дневника писателя». Его удачно резюмирует Т.А. Касаткина, когда пишет, что «взгляд Достоевского на политические проблемы (внутренние и внешние) — это взгляд всегда “метapolитика”, философа от политики. Поэтому, например, в смысл международных событий ему всегда удавалось проникнуть глубже других обозревателей. Достоевский всегда видел глобальные исторические процессы, отзвуками и проявлениями которых являются текущие политические события» [Касаткина, 1996, с. 327]. В ряде работ Касаткиной также наглядно показано присутствие в творчестве Достоевского той «высокой эзотерической традиции» на которую указывает Моран (см. ее недавние статьи: [Касаткина, 2022], [Касаткина, 2025], [Касаткина, 2026] и др.).

Записи из морановского «Дневника войны», касающиеся Достоевского, отличаются, в силу специфики жанра ежедневных заметок, акцентом на разного рода частностях и субъективизмом автора. Так, французский писатель недоумевает, почему ни один полицейский медик в «Братьях Карамазовых» не смог заметить, что Федор Павлович Карамазов «мог быть убит чем угодно, только не ступкой» [Моран, 2026, с. 79]; признается, что из всех романов Достоевского более других любит «Идиота» и «Бесов»; называет страх и отвращение «двумя ключевыми чувствами у Достоевского» и определяет не столько Кафку, сколько Сартра его «учеником» [Моран, 2026, с. 80].

По-своему любопытны и опубликованные в качестве приложения к сборнику суждения о Достоевском двух других французских писателей и публицистов правого толка, также работавших на вишистский режим, — Люсьена Рёбате (1903–1972) и Пьера-Антуана Кусто (1906–1958), старшего брата знаменитого исследователя Мирового океана Жак-Ива Кусто. Рёбате в письме к супруге от 1 января 1949 года из тюрьмы Клерво, отмечает, что чтение произведений Достоевского («великое чтение») помогает ему сохранить силу духа в самых тяжелых жизненных обстоятельствах («отвлечься от моей жалкой “среды”, превозмочь ее») [Моран, 2026, с. 135]. Важно, что это пишет человек, сперва приговоренный к смертной казни, а затем — к пожизненному заключению за государственную измену.

Кусто в своих заметках признается, что прочесть Достоевского его «заставил» именно Рёбате, но, в отличие от своего приятеля, он вовсе не испытал подобного восторга от знакомства с русским классиком: «Я читал его вдумчиво, большими дозами, преодолевая отвращение, — мне хотелось понять, до чего же он дойдет, ведь было неприятно осуждать автора, которого другие, ничуть не хуже меня, вознесли так высоко» [Моран, 2026, с. 136]. Дальнейшее объяснение Кусто характера своего неприятия произведений Достоевского хорошо укладывается в концепцию Т.А. Касаткиной, писавшей, что одной из причин невосприятия Достоевского некоторыми читателями является их «нежелание или невозможность выходить на духовный уровень бытия и взаимодействия, желание и потребность остаться на уровне душевном» [Касаткина, 2023, с. 32]. Кусто прямо признается в том, что творчество Достоевского «есть «полная противоположность» тому, что соответствует его «интеллектуальному комфорту», и добавляет: «Любая его реплика вызывает у меня раздражение» [Моран, 2026, с. 136].

Тем не менее, как честный читатель Кусто все-таки обнаруживает для себя подлинную первопричину «ненормальности» героев Достоевского и их «противоестественного» поведения, с точки зрения современного западного интеллектуала:

Долгое время я думал, что дело в том, что эти персонажи — русские, а русские — сумасшедшие. Но это объяснение неполно. Русские не настолько безумны, как герои этих романов. Я полагал также, что во мне говорит отвращение здорового человека к физическим и психическим уродствам. Ведь все персонажи Достоевского, как и он сам, — повреждённые натуры. Но и это объяснение не исчерпывает вопроса.

Я понял свою неприязнь лишь тогда, когда осознал: **Достоевский — христианин до мозга костей. Вот ключ ко всему его творчеству, оправдание всех его позиций.** Достоевский — один из немногих истинных христиан, не испорченный веками, вышедший прямоком из Евангелий, «первохристианин». У него тот же вкус, что у Павла из Тарса: «Бог избрал немудрое мира, чтобы посрамить мудрых, немощное мира избрал, чтобы посрамить сильное» (1 Кор. 1:27). [Моран, 2026, с. 137–138].

Хотя далее Кусто подменяет сострадание Достоевского к чужому несчастью «жаждой унижения и страдания, любовью к пощечинам», а ««высшие» состояния, которые христианство вознесло над человечеством» определяет как «формы эпилептоидные» [Моран, 2026, с. 138], все же становится ясно, что его отвращение к русскому писателю во многом обусловлено его весьма специфическим восприятием христианства в целом.

В заключение заметим, что знакомство с данным сборником помогает лучше понять противоречивую и сложную рецепцию Достоевского среди правых французских литераторов середины XX века, которые относились к его произведениям по-разному, но одинаково признавали их сильнейшее воздействие на душу и ум читателя.

Список литературы

1. Вогюэ, 1887 — *Вогюэ Э.М. де*. Современные русские писатели: Толстой — Тургенев — Достоевский / изд. В.Н. Маракуева. М.: Тип. В.Ф. Рихтер, 1887. 60, 72, 73 с.
2. Волчек, 2022 — *Волчек О.Е.* Личность и творчество Ф.М. Достоевского в ранней рецепции французских писателей (1885–1923) // Статьи о французской литературе: Сборник

статей к 100-летию Л.Г. Андреева / Отв. редактор: О.Ю. Панова. Москва: Литфакт, 2022. С. 298–316.

3. Достоевский, 1972–1990 — *Достоевский Ф.М.* Полн. собр. соч.: в 30 т. Л.: Наука, 1972–1990.

4. Дружинин, 2025 — *Дружинин П.А.* Достоевский в XX веке: неизвестные документы и материалы. М.: Новое литературное обозрение, 2025. 592 с.

5. Золотоносов, 1996 — *Золотоносов М.Н.* М/З, или Катаморан. Рассказ Поля Морана «Я жгу Москву» с комментариями (перевод с французского М. Яснова). СПб.: ИНАПРЕСС, 1996. 132 с.

6. Касаткина, 1996 — *Касаткина Т.А.* Характерология Достоевского. Типология эмоционально-ценностных ориентаций. М.: Наследие, 1996. 336 с.

7. Касаткина, 2022 — *Касаткина Т.А.* «Un chevalier parfait!». О соотношении христианской и гностической философии в творчестве Достоевского // Новый мир. 2022. № 4 (1164). С. 159–165.

8. Касаткина, 2023 — *Касаткина Т.А.* Как и зачем читать Достоевского? // Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2023. № 1 (21). С. 27–37. <https://doi.org/10.22455/2619-0311-2023-1-27-37>

9. Касаткина, 2025 — *Касаткина Т.А.* Человек ли женщина? О «смешной и неважной» ссылке на журнал и книгу в «Преступлении и наказании» Достоевского // Проблемы исторической поэтики. 2025. Т. 23. № 3. С. 164–196.

10. Касаткина, 2026 — *Касаткина Т.А.* Последний путь и посмертная судьба Свидригайлова // Новый мир. 2026. № 1 (1209). С. 203–215.

11. Лорченков, 2026 — *Лорченков В.В.* Предисловие переводчика // Моран П. Русская Европа Достоевского / пер. с франц. и коммент. В.В. Лорченкова. М.: Ruinaissance, 2026. С. 3–20.

12. Моран, 2026 — *Моран П.* Русская Европа Достоевского / пер. с франц. и коммент. В.В. Лорченкова. М.: Ruinaissance, 2026. 136 с.

13. Подосококорский, 2024 — *Подосококорский Н.Н.* «Реабилитация» Ф.М. Достоевского в период оттепели // Новый мир. 2024. № 8 (1192). С. 162–176.

14. Подосококорский, 2025 — *Подосококорский Н.Н.* История в творчестве Ф.М. Достоевского. Как исторические реалии создают в художественных произведениях дополнительный сюжет // Авторские теории творчества / под ред. Т.А. Касаткиной. М.: ИМЛИ РАН, 2025. С. 273–391.

15. Подосококорский, 2026 — *Подосококорский Н.Н.* Роман Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» в свете наполеоновского мифа: законодатели человечества в теории Раскольников, русское сектантство, ошибка героя, правитель-солнце, образ Петербурга // Роман Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание»: современное состояние изучения / гл. ред. Т.А. Касаткина. В 2 т. М.: ИМЛИ РАН, 2026. Т. 1. С. 263–461.

16. Сараскина, 2012 — *Сараскина Л.И.* Пушистые и когтистые компаньоны человека у Достоевского // Достоевский и современность. Материалы XXVI Международных Старо-русских чтений 2011. Великий Новгород, 2012. С. 325–341.

References

1. Vogue, E.M. de. *Sovremennnye russkie pisateli: Tolstoi — Turgenev — Dostoevskii* [*Contemporary Russian Writers: Tolstoy — Turgenev — Dostoevsky*]. Moscow, Tipografiia V.F. Rikhter Publ., 1887. 60, 72, 73 p. (In Russ.)
2. Volchek, O.E. “Lichnost’ i tvorchestvo F.M. Dostoevskogo v rannei retseptsii frantsuzskikh pisatelei (1885–1923)” [“Personality and Creative Work of F.M. Dostoevsky in the Early Reception of French Writers (1885–1923)”]. Panova, O.Iu., editor. *Stat’i o frantsuzskoi literature: Sbornik stat’ei k 100-letiiu L.G. Andreeva* [Articles on French Literature: A Collection of Articles Dedicated to the Centenary of L.G. Andreev]. Moscow, Litfakt Publ., 2022, pp. 298–316. (In Russ.)
3. Dostoevskii, F.M. *Polnoe sobranie sochinenii: v 30 tomakh* [Complete Works: in 30 vols]. Leningrad, Nauka Publ., 1972–1990. (In Russ.)
4. Druzhinin, P.A. *Dostoevskii v XX veke: neizvestnye dokumenty i materialy* [Dostoevsky in the 20th Century: Unknown Documents and Materials]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2025. 592 p. (In Russ.)
5. Zolotonosov, M.N. *M/Z, ili Katamorane. Rasskaz Polia Morana “Ia zhgu Moskvu” s kommentariiami* [M/Z, or Katamorane. Paul Morand’s Story “I Am Burning Moscow” with Commentary]. Translated by M. Iasnov. St. Petersburg, INAPRESS Publ., 1996. 132 p. (In Russ.)
6. Kasatkina, T.A. *Kharakterologiya Dostoevskogo. Tipologiya emotsional’no-tsennostnykh orientatsii* [Dostoevsky’s Characterology. A Typology of Emotional-Value Orientations]. Moscow, Nasledie Publ., 1996. 336 p. (In Russ.)
7. Kasatkina, T.A. “Un chevalier parfait! O sootnoshenii khristianskoi i gnosticheskoi filosofii v tvorchestve Dostoevskogo” [“Un chevalier parfait! On the Relationship between Christian and Gnostic Philosophy in Dostoevsky’s Work”]. *Novyi mir*, no. 4 (1164), 2022, pp. 159–165. (In Russ.)
8. Kasatkina, T.A. “Kak i zachem chitat’ Dostoevskogo?” [“How and Why to Read Dostoevsky?”]. *Dostoevskii i mirovaia kul’tura. Filologicheskii zhurnal*, no. 1 (21), 2023, pp. 27–37. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2619-0311-2023-1-27-37>
9. Kasatkina, T.A. “Chelovek li zhenshchina? O ‘smeshnoi i nevazhnoi’ ssylke na zhurnal i knigu v ‘Prestuplenii i nakazanii’ Dostoevskogo” [“Is a Woman a Human Being? On a ‘Funny and Unimportant’ Reference to a Journal and a Book in Dostoevsky’s *Crime and Punishment*”]. *Problemy istoricheskoi poetiki*, vol. 23, no. 3, 2025, pp. 164–196. (In Russ.)
10. Kasatkina, T.A. “Poslednii put’ i posmertnaia sud’ba Svidrigailova” [“Svidrigailov’s Final Journey and Posthumous Fate”]. *Novyi mir*, no. 1 (1209), 2026, pp. 203–215. (In Russ.)
11. Lorchakov, V.V. “Predislovie perevodchika” [“Translator’s Preface”]. Moran, P. *Russkaia Evropa Dostoevskogo* [Dostoevsky’s Russian Europe]. Translated and with commentary by V.V. Lorchakov. Moscow, Ruinaissance Publ., 2026, pp. 3–20. (In Russ.)
12. Moran, P. *Russkaia Evropa Dostoevskogo* [Dostoevsky’s Russian Europe]. Translated and with commentary by V.V. Lorchakov. Moscow, Ruinaissance Publ., 2026. 136 p. (In Russ.)
13. Podosokorskii, N.N. “‘Reabilitatsiia’ F.M. Dostoevskogo v period ottepeli” [“The ‘Rehabilitation’ of Fyodor Dostoevsky during the Thaw”]. *Novyi mir*, no. 8 (1192), 2024, pp. 162–176. (In Russ.)
14. Podosokorskii, N.N. “Istoriia v tvorchestve F.M. Dostoevskogo. Kak istoricheskie realii sozdaiut v khudozhestvennykh proizvedeniiakh dopolnitel’nyi suzhet” [“History in the Work of Fyodor Dostoevsky. How Historical Realities Create an Additional Plot in Literary Works”].

Kasatkina, T.A., editor. *Avtorskie teorii tvorchestva [Authorial Theories of Art]*. Moscow, IWL RAS Publ., 2025, pp. 273–391. (In Russ.)

15. Podosokorskii, N.N. “Roman F.M. Dostoevskogo ‘Prestuplenie i nakazanie’ v svete napoleonovskogo mifa: zakonodateli chelovechestva v teorii Raskol’nikova, russkoe sektantstvo, oshibka geroia, pravitel’-solntse, obraz Peterburga” [“Dostoevsky’s Novel *Crime and Punishment* in the Light of the Napoleonic Myth: Legislators of Humanity in Raskolnikov’s Theory, Russian Sectarianism, the Hero’s Error, the Ruler-Sun, the Image of St. Petersburg”]. Kasatkina, T.A., editor. *Roman F.M. Dostoevskogo “Prestuplenie i nakazanie”: sovremennoe sostoianie izucheniia [Dostoevsky’s Novel Crime and Punishment: Current State of Research]*, vol. 1. Moscow, IWL RAS Publ., 2026, pp. 263–461. (In Russ.)

16. Saraskina, L.I. “Pushistye i kogtistye kompan’ony cheloveka u Dostoevskogo” [“Fluffy and Clawed Human Companions in Dostoevsky”]. *Dostoevskii i sovremennost’. Materialy XXVI Mezhdunarodnykh Starorusskikh chtenii 2011 [Dostoevsky and the Present Day. Proceedings of the 26th International Staraya Russa Readings 2011]*. Velikii Novgorod, 2012, pp. 325–341. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию: 28.03.2026

Одобрена после рецензирования: 29.04.2026

Дата публикации: 25 June 2026

The article was submitted: 28 Mar. 2026

Approved after reviewing: 29 Apr. 2026

Date of publication: 25 June 2026